

ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ №№ 1076 И 1079

DOI: 10.25629/НС.2019.02.03

Рыбина Е.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.Россия, Москва

Аннотация. Идентификация персонажей берестяных грамот по письменным источникам была предпринята А.В. Арциховским сразу после находки первых десяти грамот. С увеличением числа грамот определились еще два способа идентификации: по сопоставлению имен в грамотах, происходящих с одной усадьбы или с соседних усадеб, и по почерку. Сопоставление имен давало возможность устанавливать родственные и деловые связи между участниками переписки, определять владельцев усадеб и их социальную принадлежность. Особенно показателен комплекс из 30 грамот, найденных на Неревском раскопе (1951-1962), их авторами и адресатами были шесть поколений боярской семьи Мишиничей-Онцифоровичей. Эти грамоты были сосредоточены на нескольких усадьбах, компактно расположенных в южной части раскопа, что привело В.Л. Янина к выводу о боярской патронимии, когда боярскому роду принадлежит не одна, а несколько усадеб. Было высказано предположение, что усадьбы Мишиничей-Онцифоровичей находились и за пределами Неревского раскопа к западу и к югу от него. Впоследствии это подтвердилось во время археологического исследования соседнего квартала, где были найдены грамоты, связанные с Онцифоровичами. Грамоты №№ 1076 и 1079 содержат имя еще одного члена этой семьи.

Ключевые слова: берестяные грамоты, Неревский раскоп, усадьбы, Мишиничи-Онцифоровичи, датировка, идентификация, персонажи грамот, боярская патронимия, генеалогия, Иван Онцифоров.

Введение

Вопрос об идентификации персонажей берестяных грамот возник в первый же год их открытия. Сопоставления персонажей из берестяных грамот 1951 г. с соответствующими по хронологии летописными сведениями и иными письменными источниками были предприняты при анализе грамот № 3 и 5 [1, с. 28]. Впоследствии при подготовке новых грамот к публикации А.В. Арциховский постоянно обращался к разнообразным письменным источникам: летописям, актовым материалам (договорным и купчим грамотам), писцовым книгам (поиски топонимов) и т.д. В них он находил соответствующие имена, географические названия, некоторые термины. С увеличением числа грамот стало возможным говорить о нескольких уровнях идентификации авторов, адресатов и других персонажей грамот: по упоминанию в письменных источниках, по сопоставлению упоминаемых в грамотах лиц, по почерку.

В данной статье речь пойдет о сопоставлении имен в берестяных грамотах, найденных в пределах одной усадьбы или на соседних усадьбах одного хронологического уровня. Благодаря такому сопоставлению удастся установить родственные связи и/или деловые отношения между авторами и адресатами грамот и упоминаемыми в них лицами, что дает возможность определить владельца и жителей усадеб, их социальный статус и занятия. Первый пример такого рода взаимоотношения персонажей грамот зафиксирован в грамотах Неревского раскопа №№ 15, 43 и 49 [2]. Целое письмо № 43 обнаружено на усадьбе А в слое, датированном 1380-1390 гг. Его автор Борис, уехавший по делам, обращается к жене Настасье с просьбой прислать ему слугу и забытую сорочку [2, 44-45]. Грамота № 49, датированная первыми десятилетиями XV в., была обнаружена на соседней усадьбе Г. Она написана Настасьей, сообщаящей своим родственникам о смерти Бориса [2, 50-52]. Наконец, на той же усадьбе А, что и письмо Бориса (№ 43), был найден обрывок грамоты (№ 15), с упоминанием Ивана Борисовича, очевидно,

сына Бориса и Настасьи [2, 15]. Рассмотренные грамоты положили начало реконструкции связей жителей новгородских усадеб по горизонтали (родственники жили на соседних усадьбах) и по вертикали (наследование усадеб).

Боярский род Мишиничей-Онцифоровичей

С находками новых грамот сопоставления имен становились все более частыми. В этой связи большой интерес представляют блоки грамот, в которых упоминаются одни и те же лица. Неудивительно, когда такие грамоты происходят с одной усадьбы или соседних усадеб и совпадают хронологически. Иногда такие сопоставления происходят спустя годы и даже десятилетия, когда раскопкам подвергаются новые участки уже изученных ранее усадеб или соседних с ними [3, с. 307-311].

На Неревском раскопе (1951-1962) в слоях XIV-XV вв. в течение нескольких лет был обнаружен комплекс грамот, авторами и адресатами которых были шесть поколений влиятельной боярской семьи Мишиничей-Онцифоровичей, члены которой не раз избирались посадниками. Первым достоверным представителем этого боярского рода был известный по летописи Юрий Мишинич, ставший посадником в 1290 г. [4, с. 336]. Берестяных писем с его именем пока не найдено, но имена прямых потомков, начиная с сына Варфоломея и кончая пра-пра-пра-правнуком Андреяном, неоднократно упоминаются в берестяных грамотах (рисунок 1) [5, с. 9-30; 6, с. 88-118].

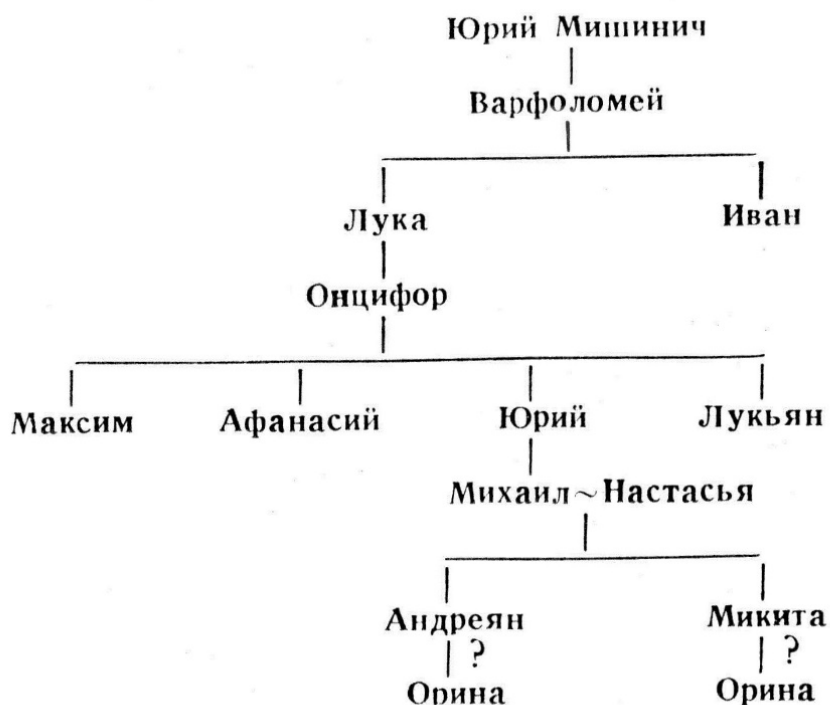

Рисунок 1 – Генеалогия семьи Мишиничей-Онцифоровичей

Весь комплекс грамот Мишиничей-Онцифоровичей был сконцентрирован на нескольких усадьбах в южной части Неревского конца что позволило В.Л.Янину сделать вывод о существовании боярской патронимии, т.е. о принадлежности одному боярскому роду нескольких усадеб (рисунок 2) [5, с.33-34; 6, с. 117-118].

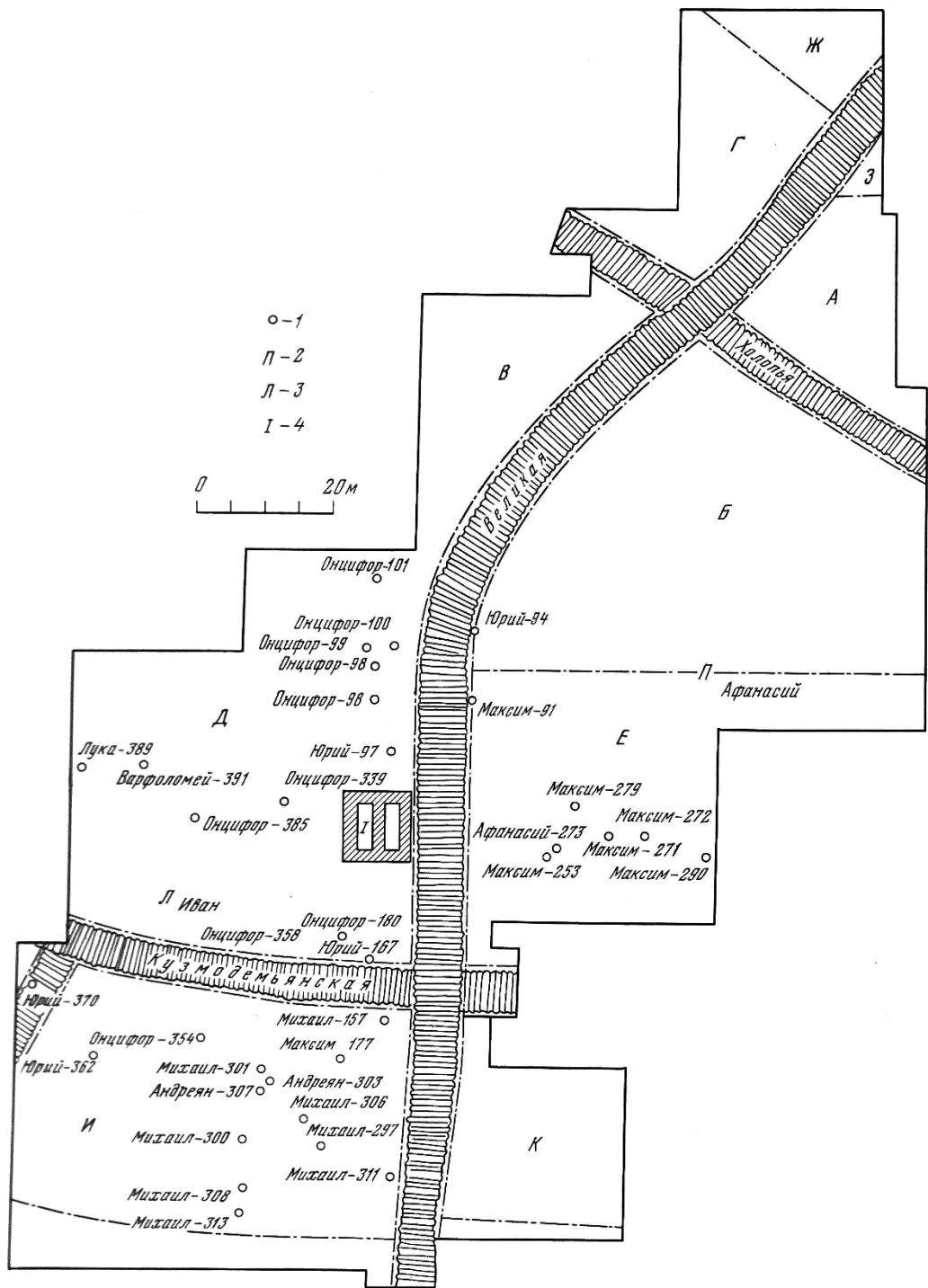

Рисунок 2 – Топография находок берестяных грамот с именами Мишиничей-Онцифоровичей

Грамоты, адресованные Вафоломею, его сыну Луке и практически все грамоты (восемь из девяти), связанные с внуком Онцифором, найдены на одной усадьбе (в археологической документации обозначена как усадьба Д), расположенной к западу от Великой улицы (рисунок 2). Одна грамота Онцифора была найдена на соседней усадьбе И. По концентрации грамот Онцифора на усадьбе Д, становится очевидным, что именно он был ее владельцем. Поскольку здесь же были найдены грамоты его отца Луки и деда Вафоломея, не исключено, что это была родовая усадьба, и Онцифор наследовал усадьбу своих предков. Усадьба И, где было найдено письмо Онцифора, адресованное матери, а также письма его потомков, тоже входит в комплекс усадеб этого боярского рода. У Онцифора было четыре сына, Юрий, Максим, Афанасий и Лукьян, что устанавливается по летописным сообщениям, берестяным грамотам и некоторым находкам. Самым известным из них в новгородской истории был Юрий Онцифорович, который так же, как и отец, занимал пост посадника.

Грамоты Юрия Онцифоровича найдены на усадьбах Д и И. Кстати, именно Юрий Онцифорович первым из всего семейства Мишиничей был упомянут в берестяной грамоте. В 1953 г. на Неревском раскопе вблизи мостовой Великой улицы была найдена грамота № 94¹, адресованная господину Юрию Онцифоровичу и содержащая жалобу крестьян на управляющего (ключника) [7, с. 20-22]. А.В. Арциховский сразу опознал в адресате этой грамоты известного по летописям посадника Юрия Онцифоровича. Тем самым к существующим способам датировки грамот (стратиграфический, палеографический, лингвистический) добавился еще один – исторический. В том же слое, что и грамоты Юрия, на усадьбе Д был обнаружен каменный фундамент терема, владельцем которого, следовательно, был Юрий Онцифорович. Возможно, что он был старшим сыном Онцифора и поэтому унаследовал усадьбу отца (Д). Очевидно, ему же принадлежала усадьба И, перешедшая впоследствии, судя по грамотам, его сыну Михаилу и внуку Андреяну.

Грамоты братьев Юрия Максима и Афанасия обнаружены к востоку от Великой улицы на усадьбе Е (рисунок 2). Занимаясь усадьбами Мишиничей-Онцифоровичей, В.Л.Янин предположил, что владения данной семьи не ограничивались тремя усадьбами (Д, И, Е), открытыми на Неревском раскопе, а продолжались к югу и к западу от уже изученного участка [6, 191]. Это предположение подтвердилось в 1969 г., когда к западу от Неревского раскопа в непосредственной близости от него был заложен Тихвинский раскоп. Здесь в слое 1380-1400-х гг. была найдена целая грамота № 446 «от Кондрата и от всех селян господину своему Юрию» [8, с. 48-49]. «Господин Юрий», судя по контексту грамоты, ее датировке и близости к усадьбам Онцифоровичей, никто иной как посадник Юрий Онцифорович.

Новые находки берестяные грамот и их идентификация

В 2015-2016 гг., т.е. спустя более полувека после окончания Неревского раскопа, также к западу от него в соседнем квартале в связи со строительством во дворе УФСБ были проведены археологические работы, в процессе которых было найдено 15 грамот [9, с. 14-16]. В слое второй половины XIV в. была найдена грамота № 1076, адресованная господину Якову и Ивану: «Поклон господину Якову и Ивану от сирот. Что еси, господине, пожаловал ...рублемо нас, тот рубль не дошел до нас. Вспроси, господине...» [8, с. 9]. Несмотря на обрывочность текста, суть письма очевидна. Крестьяне (сироты) обращаются к Якову и Ивану с жалобой, что тот рубль, который им был пожалован в прошлом году, до них не дошел. Примечательно, что, хотя письмо адресовано двум лицам, жалоба обращена к господину Якову, которому крестьяне и сообщают о неполучении обещанного рубля. Далее текст, к сожалению, обрывается. Осталось лишь начало фразы, из которой очевидно, что сироты просят господина (Якова) разузнать (*воспросить*), о том, что стало с рублем.

Между тем еще в 1952 г. на Неревском раскопе в слое второй половины XIV в. на усадьбе В, непосредственно граничившей с усадьбой Онцифора (Д), было найдено целое письмо № 30 «От Якова к Ивану» [2, с. 31].

Текст грамоты № 30. «От Якова к Ивану. Что слешь ко мне про серебро, то ведаю, аже ты дал серебро на собе, то ведаю. А иного не ведаю, како ли ты венилеся, како ли что дал еси рубль на собе».

Перевод: «От Якова к Ивану. Что касается твоего письма про деньги, то я знаю, что ты давал за себя деньги. Это я знаю, а больше ничего не знаю: как именно ты платил вено (или: договорился о вене), дал ли ты рубль за себя».

Несомненно, это был ответ Якова на письмо Ивана с просьбой подтвердить, что он (Иван) свою часть денег заплатил. Но вопрос о рубле оставался открытым, о чем Яков и написал Ивану.

Очевидна непосредственная связь между грамотами №№ 30 и 1076. Территориальная близость участков, где были найдены эти грамоты, их датировка в пределах второй половины XIV в., одни и те же имена в обеих грамотах, а также содержание текстов, посвященных денежным проблемам, дают основания предполагать, что речь в обеих грамотах идет об одних и тех же людях и, возможно, об одном и том же рубле.

Коль скоро грамота № 30 была найдена на усадьбе В, вероятно, адресат Иван и был ее владельцем. Напомню, что эта усадьба расположена по соседству с усадьбой Д, которой владели по крайней мере четыре поколения Мишиничей. Представляется вполне вероятным, что и усадьба В входила в комплекс усадеб этого семейства и, не исключено, что Иван был одним из членов этой семьи. До сих пор в генеалогии Мишиничей был известен лишь один Иван, брат Луки. Однако грамота № 30 происходит из слоя 1370-1380 гг., гораздо более позднего, чем время Луки (до 1340-х гг.) и его окружения. Следовательно, во второй половине XIV в. усадьба В могла принадлежать другому поколению Мишиничей-Онцифоровичей. К сожалению, усадьба В попала в площадь Неревского раскопа лишь частично и мы не знаем достоверных свидетельств об ее обитателях.

Между тем в числе грамот, происходящих из соседнего с Неревским раскопом участка, исследованного в 2016 г., был найден целый документ № 1079 с именем Иван. Он датируется так же, как и грамоты №№ 30 и 1076, второй половиной XIV в. [10, с. 11-14]. Это заявление истцов в суд о вызове трех ответчиков: «Поклон от Смёна и его детей и от Моисея к Михею, Федору, Есифу и Юрию. Пошлите позовника за Вичком, за Иванцем Дроздовым и за Онцифоровым Иваном». Позовник – судебный исполнитель, посылаемый к кому-либо с объявлением о его вызове в суд. Повестка о вызове в суд называлась *позовой грамотой* или *позовницей*. В числе ответчиков назван Иван Онцифоров, в котором, несомненно, угадывается сын посадника Онцифора из семьи Мишиничей. Эта уверенность основывается на том, что имя Онцифор чрезвычайно редкое в новгородском ономастиконе. Другого Онцифора, кроме уже известного, ни новгородская летопись, ни берестяные грамоты не знают.

Выводы

Таким образом, в грамоте № 1079 зафиксировано существование еще одного сына Онцифора, о котором раньше не было известно. С большой долей вероятности можно предполагать, что Иван Онцифоров из грамоты № 1079 и Иван из грамот №№ 30 и 1076 это один и тот же человек.

Благодаря новым находкам грамот гипотеза В.Л.Янина о распространении усадеб Мишиничей-Онцифоровичей на запад и юг от Неревского раскопа получила еще одно подтверждение, а само семейство пополнилось еще одним представителем.

Примечание:

¹Грамота № 94 не имеет стратиграфической привязки и поэтому ее дата определяется вне-стратиграфическим методом как 1400-1410 гг.

Литература:

1. Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 65 с.
2. Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М.: Изд-во Академии СССР, 1954. 91 с.
3. Янин В.Л. Тридцать лет спустя // Вестник Российской академии наук. Т. 74, № 6, июнь, с. 307-311.
4. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 640 с.
5. Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М.: Наука, 1981, 296 с.
6. Янин В.Л. Я послал тебе бересту. 3-е изд. М.: Языки русской культуры, 1998, 461 с.
7. Арциховский А.В., Борковский В.И. НГБ (из раскопок 1953-1954 гг.). М., 1958. 158 с.
8. Арциховский А.В., Янин В.Л. НГБ (из раскопок 1962-1976 гг.). М.: Наука, 1978. 192 с.
9. Гайдуков П. Г., Олейников О.М., Исаев А.А., Короткова К.В., Степанов М.А. Работы на Софийской стороне Великого Новгорода в 2016 г. (раскопы Космодемьянский -3, ул. Воздвиженская, д.9 и Троицкая, д.16) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 31. Великий Новгород, 2017.
10. Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В. Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания, 2017, № 4, с. 7-24.

Рыбина Елена Александровна. E-mail: ear42@list.ru

Дата поступления 11.12.2018

Дата принятия к публикации 10.02.2019

**IDENTIFICATION OF SOME CHARACTERS
OF BIRCH BARK WRITINGS NO. 1076 AND 1079**

DOI: 10.25629/HC.2019.02.03

Rybina E.A.

Moscow State University Lomonosov. Russia, Moscow

Abstract. Characters identification of birch bark letters from written sources was undertaken by A.V. Artsikhovskiy immediately after the discovery of the first ten writings. By larger numbers of letters, two more ways of identification have been defined: by comparing names descending from one estate or from neighboring estates and by analyzing handwriting. Comparing names made it possible to establish family ties and business relations between participants of correspondence, to determine owners of the manor-houses and their social origin. The complex of 30 letters found on the excavation of Nerev (1951–1962) is especially indicative; their authors and addressees were six generations of the boyar family of the Mišinić-Ontsiforovichs.

These letters were concentrated on several estates, compactly located in the southern part of the excavation, which led V. L. Yanin to the conclusion of the boyar patronymy when boyar family held not one but several estates. It has been suggested that estates of Mišinić-Ontsiforovichs were located outside the excavation of Nerev to the west and south of it. Subsequently, this was confirmed during the archaeological study of the neighboring quarter, where letters were found related to Ontsiforovichs. Writings No. 1076 and 1079 contain the name of another member of this family.

Keywords: birch bark writings, excavation of Nerev, estates, Mišinić-Ontsiforovichs, dating, identification, characters of birch bark letters, boyar patronymy, genealogy, Ivan Ontsiforov.

References:

1. Artsikhovskiy A.V., Tikhomirov M.N. *Novgorodskkiye gramoty na bereste (iz raskopok 1951 g.)* [Novgorod certificates on birch bark (from the excavations of 1951)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953. 65 p.
2. Artsikhovskiy A.V. *Novgorodskkiye gramoty na bereste (iz raskopok 1952 g.)* [Novgorod certificates on birch bark (from the excavations of 1952)]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1954. 91 p.
3. Yanin V.L. Tridsat' let spustya [Thirty years later]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, vol. 74, No. 6, June, p. 307-311.
4. *Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle of the senior and junior izvodov]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 640 p.
5. Yanin V.L. *Novgorodskaya feodal'naya votchina* [Novgorod feudal patrimony]. Moscow: Science, 1981, 296 p.
6. Yanin V.L. *YA poslal tebe berestu* [I sent you a birch bark]. 3rd ed. Moscow: Languages of Russian culture, 1998, 461 p.
7. Artsikhovskiy A.V., Borkovskiy V.I. *NGB (iz raskopok 1953-1954 gg.)* [NSL (from the excavations of 1953-1954)]. Moscow, 1958. 158 p.
8. Artsikhovskiy A.V., Yanin V.L. *NGB (iz raskopok 1962-1976 gg.)* [NSL (from the excavations of 1962-1976)]. Moscow: Science, 1978. 192 p.
9. Gaidukov P.G., Oleynikov O.M., Isaev A.A., Korotkova K.V., Stepanov M.A. Raboty na Sofiyskoy storone Velikogo Novgoroda v 2016 g. (raskopy Kosmodem'yanskiy -3, ul. Voz-dvizhenskaya, d.9 i Troitskaya, d.16) [Works on the Sofia side of Veliky Novgorod in 2016 (excavations Kosmodemyansky-3, Vozvzhenskaya St., 9 and Troitskaya, 16)]. *Novgorod and Novgorod land. History and archeology. Issue 31. Veliky Novgorod*, 2017.
10. Gippius A.A., Zaliznyak A.A., Toropova E.V. Berestyanyye gramoty iz raskopok 2016 g. v Novgorode i Staroy Russe [Birch bark letters from the excavations of 2016 in Novgorod and Staraya Russ]. *Questions of linguistics*, 2017, No. 4, p. 7-24.

Rybina Elena Aleksandrovna. E-mail: ear42@list.ru

Date of receipt 11.12.2018

Date of acceptance 10.02.2019